

Для Цяо Си жизнь после «замужества», казалось, не сильно изменилась. Он всё так же занимался повседневными делами, ел по расписанию, спал по расписанию — он совсем не чувствовал себя женатым человеком.

Снегопад длился целых два дня. Снег, который расчистили, был сметён в высокие кучи по углам, и Цяо Си, почувствовав игривое настроение, решил слепить во дворе снеговика. Он использовал камни для глаз, сухие листья для рта, веточки для рук и даже положил на голову старую тряпку в форме булочки. Снеговик получился не очень хорошо сделанным, но достаточно сносным.

Хотя его мастерство в лепке снеговиков было невелико, Цэньэр пришёл в восторг. Он кружил вокруг снеговика, снова и снова разглядывая его, и даже поставил свою любимую игрушечную механическую лошадку на плечо снеговика, сказав, что лошадка тоже должна это видеть.

Шэнь Игуан наблюдал со стороны, сначала равнодушно, но через некоторое время, по неизвестной причине, почувствовал игривый порыв и решил слепить ещё одного снеговика. Однако почему-то Цяо Си уловил в этом какую-то странную торжественность. Хотя у обоих снеговиков были лица из камней и листьев, снеговик Шэнь Игуана выглядел более серьёзным, в отличие от неуклюжего и милого снеговика Цяо Си.

Два снеговика стояли рядом в маленьком дворике, и Цяо Си, скрестив руки, некоторое время смотрел на них, и чем больше смотрел, тем больше они ему нравились. Цэньэр, не желая уступать, надул губы и слепил своего собственного маленького снеговика. Затем он поместил его между двумя большими и с гордостью хлопнул в ладоши, покрасневшие от холода, сказав: «Правда, похоже на нас троих?»

Это было невинное замечание, но сердце Шэнь Игуана пропустило удар. Он быстро взглянул на Цяо Си, чтобы проверить, заметил ли тот слова Цэньэра. Увидев, что Цяо Си не обратил внимания на слова Цэньэра, он быстро отвёл взгляд, плотно сжав губы.

Снег во дворе был расчищен, и Цяо Си пошёл на кухню готовить завтрак. Он сварил кастрюлю жидкой рисовой каши, испёк три лепёшки и приготовил пару блюд из оставшихся со вчерашнего свадебного пира ингредиентов.

После того как трое позавтракали, Цяо Си собрал немного еды и закусок и приготовился навестить всё ещё больного Сяо Чжуцзы. Тот пролежал в постели десять дней, и Цяо Си был слишком занят свадебными хлопотами, чтобы навестить его. Сегодня у него наконец появилось свободное время, и он хотел его провести.

Когда Цэньэр услышал, что они собираются навестить Сяо Чжуцзы, он умоляюще попросился: «Я тоже очень хочу увидеть брата Чжуцзы...»

Цэньэр всегда был послушным и не был тем необузданным ребёнком, поэтому Цяо Си подумал, что можно взять его с собой. К тому же, Сяо Чжуцзы, должно быть, чувствовал себя одиноко из-за болезни, и, возможно, компания Цэньэра поднимет ему настроение.

«Только запомни: когда придём к нему домой, ты должен вести себя хорошо. Не трогай ничего, что не следует, не кричи и не шуми, понял?» Даже зная, что это не то, о чём ему действительно нужно было напоминать, Цяо Си всё равно предупредил.

У него не было опыта в воспитании детей, но на первом курсе университета он подрабатывал в

детском игровом парке. Он видел, как у некоторых детей неиссякаемая энергия и склонность к разрушениям. Некоторые родители яростно защищали своих детей, чуть ли не до драки, и у него до сих пор остался страх перед непослушными детьми.

Цэньэр энергично закивал, быстро пообещав: «Я буду хорошим! Я ничего не трону!»

Видя, что он такой послушный, Цяо Си протянул ему кусочек лotosового пирожного, затем повернулся к Шэнь Игуану и попросил его убрать беспорядок на заднем дворе после свадебных гуляний, прежде чем уйти, и отправился с Цэньэром в путь.

Дорога в деревне была трудной для ходьбы. Она становилась ещё более грязной, когда шёл дождь, и если не быть осторожным и наступить в грязь, требовалось много времени, чтобы вытащить ногу. Но зимой со снегом было лучше — земля промерзала, хотя всё равно нужно было быть осторожным, чтобы не поскользнуться и не упасть.

«Осторожно, не—!»

Не успел он закончить фразу, как Цэньэр поскользнулся и упал, приземлившись на пятую точку с болезненным выражением лица. Пока Цяо Си помогал ему встать, у Цэньэра на глазах выступили слёзы, он шмыгал носом и тихонько плакал.

«...В следующий раз будь осторожнее»,—Цяо Си нагнулся, чтобы стряхнуть грязь с одежды Цэньэра, и упрекнул его: «Ты уже такой большой ребёнок, а ходишь так неуверенно!»

Цэньэр всхлипнул, заливаясь слезами, и выглядел очень жалко.

Увидев это, Цяо Си вздохнул, потянул его за руку и сказал: «Ну ладно, не плачь!»

Цэньэр шмыгнул носом и, утерев слёзы, извинился: «Извини, я не плакал нарочно!»

Цяо Си, держа его за руку, снова улыбнулся ему. Мягкие маленькие ручки были холодными на ощупь; их ладонки были маленькими, но это не значило, что они были действительно холодными. Всё равно Цяо Си старался согреть их в своей ладони.

Двое, большой и маленький, шли по сельской дороге. Цэньэр несколько раз посмотрел на их сцепленные руки, его круглые, кошачьи глаза были полны любопытства. Внезапно он хитро улыбнулся.

«Чему это ты улыбаешься?»—Цяо Си опустил взгляд и застал Цэньэра за улыбкой, вопросительно подняв бровь.

«У Си-гэ руки тёплые!»—Цэньэр наклонил голову и улыбнулся, его глаза превратились в полумесяцы.

Цяо Си фыркнул: «Конечно тёплые. Я же живой, как им быть холодными!»

Цэньэр хихикнул, на его лице всё ещё были следы слёз, и вдруг тихо сказал: «Отец... Папа тоже так меня ругал».

Цяо Си согласно кивнул: «Это естественно, когда отец учит сына».

Сказав это, он снова взглянул на Цэньэра и добавил: «Но раз ты такой послушный и понятливый, твой отец, наверное, не часто тебя ругает, правда?»

Услышав его вопрос, Цэньэр на мгновение заколебался, затем покачал головой и ответил: «Нет».

«Я... я всегда разочаровываю отца, и он часто злится».

Цяо Си не нашёлся что сказать: «Ты так хорошо себя ведёшь, а твой отец всё ещё недоволен?»

«Это моя вина, а не отца»,—ответил Цэньэр рассудительно, его глаза снова начали краснеть. «Я плохо учусь, и у меня плохо получается писать. Я не такой знающий, как Третий брат, который может помочь отцу с его заботами. А по ночам мне всегда страшно, и мне нужен кто-то, кто будет со мной, и я часто плачу, скучая по маме».

Цяо Си фыркнул: «Это ведь совершенно нормально, правда? Что плохого в том, чтобы хотеть свою мать? Твой отец ожидает, что у него будет бессердечный сын?»

Цэньэр уставился на него в замешательстве: «Но ты только что ругал меня за то, что я плачу».

«Это потому, что ты не смотрел под ноги, когда шёл!»—Цяо Си ущипнул его за щёку: «Мальчики могут немного поплакать, чтобы выпустить пар, но если плакать без остановки, кто же это выдержит?»

Цэньэр кивнул, всё ещё сбитый с толку: «...Ах».

Цяо Си вздохнул, глядя на это невинное и юное лицо, полное забот: «Хотя у меня нет своих детей, я видел очень, очень много детей. Другие дети в этом возрасте всегда думают о том, как бы натворить дел и устроить беспорядок. Почему у тебя, кажется, так много забот?»

И не только у Цэньэра, но и у этого Санлана тоже.

Они оба были моложе тридцати, но, казалось, были так обременены, что в них не было ни капли юношеского духа. Когда Цяо Си было девять, он всегда лазил по деревьям за фруктами, бродил по рекам, ловя креветок, дразнил кошек и собак или помогал дедушке сажать овощи. Он не мог усидеть на месте ни минуты — у него никогда не было времени думать о чём-то ещё.

«Кто бы ни знал, подумал бы, что твоя семья претендует на трон!»—пошутил он: «Ты и твой дядя выглядите так обеспокоенными, будто эта страна развалится без вас двоих!»

Он сказал это в шутку, но Цэньэр вздрогнул, подумав, что его раскусили. Он инстинктивно выпалил:

«От-откуда ты знаешь?»

К сожалению, Цяо Си был беспечен и не уловил нервозности в голосе Цэньэра. Он подумал, что Цэньэр просто подыгрывает ему, и рассмеялся, продолжая дразнить его: «А что, есть кому наследовать трон?»

«Ц, даже если и есть, и что? Ты думаешь, что можешь проплакать себе наследование трона?»

Цэньэр стоял, ошеломлённый, наконец осознав, что Цяо Си шутит. Его прошиб холодный пот.

«Глупенький!»—Цяо Си улыбнулся и ущипнул его за маленькую щёчку. Она была мягкой и пухлой, так приятно было трогать, что он не удержался и ущипнул ещё несколько раз.

Цэньэр, которому было больно от щипков, не знал, как увернуться, и глупо позволил Цяо Си

дразнить себя. Он пробормотал: «Си-гэ и есть настоящий глупый!»

Что, если однажды он узнает правду? Не умрёт ли он от страха?

Цэньэр посмотрел на улыбающееся красивое лицо Цяо Си и вдруг подумал: «А что, если... что, если Си-гэ на самом деле моя тётя?»

Если однажды он и его дядя вернутся в столицу, он обязательно попросит дядю взять Си-гэ с собой!

Двое, держась за руки, смеясь и разговаривая, добрались до дома доктора Линя. Цяо Си поднял руку, жестом призывая Цэньэра замолчать, и подошёл к двери, чтобы постучать. Вскоре дверь открылась, и, к удивлению Цяо Си, это был Сяо Чжуцзы, которого, по словам доктора Линя, серьёзно болел.

Цяо Си озадаченно оглядел его с ног до головы. У Сяо Чжуцзы были румяные щёки, и он выглядел энергичным и полным сил. Он совсем не выглядел больным.

«Ты уже полностью поправился?»—удивлённо спросил он.

Сяо Чжуцзы улыбнулся и радостно пригласил их войти, закрыв за ними дверь. Он провёл их в гостевую комнату, сначала налил чаю Цяо Си, затем сделал грушевый суп для Цэньэра. Наконец, он небрежно ответил: «Я вообще не болел!»

Цэньэр тоже был в замешательстве: «Тогда почему ты не выходил на улицу?»

«Эх!»—Сяо Чжуцзы подпёр ладонями лицо и тихо вздохнул: «Я должен пройти ритуал представления, но Учитель не разрешает мне бродить, боится, что я натворю бед».

Цэньэр моргнул, не совсем понимая, и спросил: «Тогда Сяо Чжуцзы станет Ди Кунем?»

Услышав термин «Ди Кунь», свет в глазах Сяо Чжуцзы сразу померк, и улыбка на его лице, которая была яркой, померкла. Его выражение стало унылым, и он прошептал: «Надеюсь, что нет».

Все знали, что в этом мире родиться в бедной семье и стать Ди Кунем равносильно адской катастрофе. На самом деле, любого, кто дифференцировался в Ди Куня, считали несчастным.

В отличие от Тянь Цяней, которых семьи могли тщательно воспитывать и обучать, у Ди Куней, казалось, был только один жизненный путь: «рожать детей». Тем, кто происходил из бедных семей и становился Ди Кунем, приходилось ещё хуже; у них вообще не было личной свободы.

Их часто использовали как разменную монету те, кто у власти, или дарили как простые подарки — короче говоря, к ним не относились как к людям.

Сяо Чжуцзы было очень страшно. Он не знал, что делать, если он действительно станет Ди Кунем. Придут ли те злые люди и вытащат его от Учителя, сделав чьей-то игрушкой?

Если только он не спрячется где-то, где никто не знает, у него не будет выхода. Но Сяо Чжуцзы любил шум и обожал всех в деревне Таое, оставляя его раздираемым противоречиями.

Цэньэр моргнул, не совсем понимая.

Он ещё не знал о большой разнице в обращении между Тянь Цянь и Ди Кунь, и поскольку он

ещё не достиг возраста представления, дворцовая гувернантка ещё не учила его этим вещам. Но он видел, что Сяо Чжуцзы расстроен, поэтому взял его за руку и попытался утешить его как мог.

Тем временем Цяо Си, слушавший их разговор, был совершенно сбит с толку, на его лице застыло выражение недоумения.

...А?

Что значит Ди Кунь?

Это какая-то смертельная болезнь???

<http://bllate.org/book/17973/1728319>